

Андрей Родионов

Абсурд в деревне

16+

Андрей Родионов

Август в деревне

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Родионов А. Н.

Август в деревне / А. Н. Родионов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Если бы душевные деревенские чудаки из рассказов В.Шукшина закончили институты, остались жить в городе и писали стихи, они бы, наверное, писали их так, как пишет автор. Они бы не мучились и не пыхтели над каждой строкой, а доверялись бы только вдохновенному порыву, эмоциональному "выстрелу" от природы сверхщедро поэтически одарённой натуры, периодически впадающей в восторг от ощущения чуда жизни и от собственной способности это чудо записать.

* * *

Милый мальчик, ты был такой милый,
считал журавлей, пролетающих клином,
теперь ты взрослый, лежишь под капельницей:
сердце – Арктика, льдины, – льдины.
Ну, ничего, все проходящее, и в нашем саду, расцветут георгины
будет еще и утро звенящее:
всех журавлей будешь знать
по имени...

* * *

В лирике мало толку,
в лирике Бога мало,
зачешу набок челку,
сяду на линию горизонта:
пусть гуси цепляются крыльями
за мои босые ноги.
Я буду дремать от удовольствия,
как кошка преданная высуну язычок...

* * *

В деревне атмосфера. -
Образы, образа...
Вчера пьяный сосед
рассказал,
что там, где пустырь,
был монастырь
перед войной
с одной вдовой
там раскапывали
могилы.
Искали сокровища в земле.
кое-что было:
пуговица красноармейца,
рога и
вилы...

* * *

Ох уж этот август,
этот вечер синий
принес не по сезону
к вишням апельсины.
Летняя веранда,

открытое окно,
улица потеет,
в комнате темно.
Ты сидишь над вишнею -
не с чего начать...
Щелкнуть выключателем?
– Лучше не включать.
Безнадежный август,
все играет роль.
На газете «Правда»
сушится фасоль.

* * *

Лесничий выходит из дома,
не закрывая балкона,
ёлочные игрушки
брошены на подушки.
Лесничий позавтракал
снегом
и бросился в омут
с разбега.
– Милая, в старом пруду
я тебя непременно найду!..

* * *

Наболей на себя
меня.
В душе моей
клювик соловья.

* * *

Доведи меня
до каления,
доведи до
оледенения,
не хочу как есть -
36,6.

* * *

В небе месяц корчится,
в комнате темно,
я курю у форточки,
и смотрю в окно.
Выписывают атомы
бессмысленный маршрут,

а дворники лопатами
лохматый снег жуют.
Русь ты моя, родина,
родинка на теле,
кто тебя ни пробовал,
все тебя хотели.
С невесты татары
срывали венец...
Здесь и смерть,
как начало.
Здесь жизнь,
как конец.

* * *

Так тихо в комнате
и только тикают часы
и так не часто.
Вечер в комнату
налит до густоты,
а комната из пенопласта.
Мы ждали вечер.
И из бутылки с коньяком
коньяк разлит, а женщины из глины.
Дверной звонок.
– Здесь кто-то не живет?
– Да, не живет.
– Вот передайте домовому мандарины...

* * *

*Сергею З. (сержанту
полиции Манхеттена)*

Где голубой солдат
в розовых эполетах
с маской противогаза
на пепельно-сером лице,
память тевтонского ордена
безвременно канула в лету.
Никто не поднимет трубку
на противоположном конце
провода.
Вихрем реанимации
в воздух врывается зуммер.
в доме обои рваные
ветер урбанизации.
Запах формальдегида,
значит, опять кто-то умер
из суетливой нации

коллекционеров бабочек.

* * *

Я был «духом»: слаб духом.
Сержант помогал по-всякому,
земляк все-таки,
Фамилия такая: Ли–Орлов.
Вот, думаю, приду на гражданку – будет аутодафе.
Иду по аллее -
фамилия знакомая...
Фотография...
Эпитафия...

* * *

Вологда-город на свете жила,
в Вологде вишня весною цвела,
летали стрекозы, пел соловей
в Вологде – городе мысли моей.
Только однажды осенним листом
спустился волшебник с черным перстом
и пальцем корявым в дома и углы
Вологду проклял – они не твои.
С тех пор я в осеннем дыму,
как в беде.
Где ты моя черноглазая, где?..

* * *

Завтра снова в колхоз, где козы
сосут молоко козлят, вьются стрекозы,
а толпы маленьких лохматых дьяволят
танцуют канкан на крыше мясомолочной фермы.
На них давно хмельные егеря наводят прицелы
штуцеров и трехдюймовок.
Там погреба, от массы крысоловок
похожие на бомбу Хиросимы.
Лет семьдесят там лампа Ильича,
но лампы не стоят без керосина.
Плюётся в небо сонный фокстерьер беззубым ртом...
Все тридцать два завязли в лисьих шкурах.
Там за покойником ненецкие каюры,
и шик семье, когда каюр с хлыстом.
по вечерам там пасмурно и дико,
когда в трубу влетает дьяволиха,
а Бог приходит, словно Дед Мороз на Рождество.

* * *

Этот август в деревне
под шелест листвы,
облетающей с вишен
губит. Я слышал, что дядя Миша,
внушавший доверие, опять
начал пить.
Порывы к письму становятся
тише и тише,
Лишь иногда сквозь рамы окон
узнавая луну, слышишь,
как Ангелы тихо садятся на крышу...
Но сонный отец мне объяснил,
что это скребутся летучие мыши.

* * *

Вечер, в деревне пустынно и тихо,
в старой корзине заснули котята.
– Дочка, в саду трндычит трндычиха,
ветер гуляет, зябнут маслята.
– Тебе-баруба, те-бе-бе-бе-ба.
– Видишь, луна золотится слезою.
– Папа, а кто целовал журавлиху,
Чтоб принесла меня ранней весною?

* * *

На черном зеркале забытого пруда,
где вянут запоздавшие кувшинки,
рисует неба стылая вода
унылые осенние картинки.
Почив в воспоминанье бабьих лет,
сырыми листьями на землю плачет ива.
Вороны незатейливый куплет,
за изгородью серая крапива
лишь дополняет траурный сюжет.
Октябрь вздыхает, иней поутру -
обычная осенняя картина.
Полощат, как хоругви на ветру,
с сухими пауками паутины.
Старуха лезет в погреб, с огурцов
листом капустным собирает плесень.
– Мы все умрём, старик, мы все умрём.
Мы все умрём, старик,
и все воскреснем.

* * *

Товарищ Полковник,
как Вы грозили,
что не ждет ничего меня впереди.
Всех что-то ждет...
Сиж у могилы,
ем землянику с Вашей груди.

* * *

Пьяного вели домой летучие мыши.
Они узнавали любой изъяз дороге,
Ориентируясь по звездам над крышами.

* * *

Я все твое так и выбросила,
чтобы губы не шептали напрасно.
Тетерева токуют на выселках -
прихорошены все так, препоясаны.
Затопила трескучую печь,
кошка-дура гостей намывала...
Я все двери закрыла на ключ,
даже в окна не сунулся луч.
А любовь появилась сначала.

* * *

Так закончилось, вылетело твоё лицо в форточку бабочкой,
только боль-бандитка, будто волос на губах.
Там темно, там не спросят, там не здесь.
Сожгла любви катехизис.
Чайная серебряная ложечка подарочек твой.
Пью чай, мешаю, мечтаю.
Хорошо.

* * *

Сегодня день такой роскошный:
гостей налиживает кошка,
солнце за шиворот льется,
смеется,
и пачкает смело девочка мелом асфальт.
В духовке курица,
от солнца жмурится,
жена не дуется,
а радуется.
На столе кружатся вина,
полыхают георгины.

Прозвенел дверной звонок.
И закончился листок.

* * *

Я вернулся из такой круговерти, выпив ведро дня,
пойми меня.

Видел:
берёзы рублены в талию,
там, где катались
мы на качелях,
там, где на лавочке ели
печенье,
девочки пели про летний вечер,
плакали ели
душистой смолой.
Нам не вернуться с тобою туда...
Где в роднике голубая вода...
Эхо тех мест онемело от крика,
там у ручья переспела брусника,
там имена наши забыли,
никто не плетёт ожерелий из лилий
и одуванчиков жёлтый веночек.
Я только слышал, как щёлкал курок,
и невинные лоси бились в ручье,
губами касаясь подкошенных ног.

* * *

то ли просто день короткий
то ли просто вечер длинный
то ли просто мы с тобою
были сделаны из глины...

* * *

Солнце – это где-то рядом с небом,
небо – это где-то рядом с домом,
детство – это где-то между солнцем
и воздушным змеем невесомым.

* * *

Я в деревья влюбился раньше, чем в женщин.
Трогал постаревшую кожу.
Хотелось плакать, слёз-то не было.
Лес шумел – отвечал взаимностью.
Вёл дневник наблюдений за природой,
как девочка дневник свой девичий.

Грачи, например, прилетали 17-го марта,
а скворцы 2-го апреля.
Березовый сок: 19-го апреля. Украли...
Великий разлив в 81-м году.
Ложился в сфагнум, слушал: столетние сосны стонали,
лоси укладывались в посадке – губастые слепыши!
Знал синий камень на болоте,
делил с ним одиночество,
сидел на нем на кукурках.
Было.
Но однажды в капкан попалась утка и, уже умирая, высидела
яйцо.
Я убил её веслом, а яйцо? Куда его дел?
С того времени я влюбляюсь и
в женщин, тогда же научился плакать.

* * *

Светало,
чёрствая корка ночи отступала,
день – мякиш булочный, занудный,
как эспандер, наступал.
Город спал.
В аллеях, алея восход теснился.
Я тебе опять не приснился.
Баба-дура, Трубадура ты любовь и высоту сантиметром измеряешь,
как реакцию Манту.
Повзрослеешь, практикантка, и узнаешь,
каково не найти бессонной ночью
на другом конце «Алло».
А пока,
всё равно: жди звонка.

* * *

Первый сентябрь пах рыбой копченой,
брусникой моченой, свечой восковой.
Мы молодые. Время подковано, вздыблено вверх пионерской трубой.
Дыханием свежи, знанием святы,
все ароматы жизни не мяты.
Как шёлковый галстук, наглаженный мамой,
как рубль юбилейный в правом кармане.
как правильно листья под нами шуршат,
как жало отточено карандаша.
В каких катаклизмах мы ещё не бывали.
Громко гремят три авторучки в пенале.
Зелёная. Синяя. Красная.
Ровные, словно свистульки из глины, гладиолусы, астры и георгины.
Манит туманом равнинная даль,

на букву «А» открытый букварь.
День этот парусник улицей плыл, золото-красный как епитрахиль.
Словно прощал в кредит болящим грехи, каких ещё нет в настоящем.
Дождик случайный
робко закапал. И где-то плакал, плакал и плакал за углом горизонта ...

...

Там...

Там-та-рам,

Там-та-рам...

* * *

девочка-молочница
сосисочка молочная
в соке сложенная дочка
шоколадные сосочки
провода в деревне
проводов нити
деревенская Нефертити
до свидания, до завтра,
деревенская Клеопатра
ладночки-ладночки...
ладушки-ладушки
папочки-мамочки...
– Где была?
– У бабушки...

* * *

Весна и дорога, сердце в огне,
не дай тебе Бог вернуться ко мне.
Будет день – будет пища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.